

Н. С. Зеликина

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

Советский почвенник: размышления о мировоззрении В. А. Чивилихина

Аннотация. В исследовании предпринимается попытка рассмотрения мировоззренческих и идеологических основ творчества советского писателя и публициста В. А. Чивилихина, чей роман-эссе «Память» был не только феноменом русского советского литературного процесса второй половины XX века, но и послужил поводом для широкой общественной дискуссии, что позволяет рассматривать его в качестве явления общественной жизни и основой для анализа интеллектуального дискурса позднесоветской эпохи. При этом исследование построено на основе не только публицистических и художественных произведений автора, но и материалов личного характера (дневников, писем, воспоминаний) и проводится в контексте социальных и идейных проблем последних десятилетий советского периода.

Ключевые слова: история, память, публицистика, творчество, В. А. Чивилихин

Для цитирования: Зеликина Н.С. Советский почвенник: Размышления о мировоззрении В. А. Чивилихина // Ортодоксия. — 2023. — № 3. — С. 52–73. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-3-52-73

Имя его навсегда
занесено в святцы отеческого служения.
В. Распутин

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современный период существования России очевидным образом является собой переходный этап исторического развития российской цивилизации, содержание которого может быть определено как своеобразная «ретроградная модернизация». Уход от советской модели развития носит парадоксально профанный характер «дорешивания» глобальных проблем страны до 1917 года. По мере приближения к нашему времени обществом всё больше осознаётся недостаточность изученности именно советского прошлого и также возрастает значимость осмысления его ключевых проблем с целью учёта опыта прошедших десятилетий XX века. Наибольший интерес с нашей точки зрения представляет состояние общественного самосознания в СССР периода второй половины 1950-х — середины 1980-х годов (который далее будет именоваться автором позднесоветским периодом).

В указанном аспекте нами и предпринимается попытка анализа мировоззрения одного из ярчайших представителей советской творческой интеллигенции мыслителя, писателя, публициста В. А. Чивилихина. При подготовке работы основными источниками для нас были материалы личного происхождения (дневники и переписка писателя, воспоминания его коллег, родных и друзей), научные и научно-популярные работы, посвящённые его жизни и творчеству, а также его основные художественные и публицистические произведения, среди которых роман-эссе, повести

и очерки. Разработка проблемы проводилась нами на фоне конкретного исторического контекста развития общественной мысли нашей страны в указанный период.

Творчество В. Чивилихина было предметом исследовательской рефлексии. Кроме юбилейных статей при жизни и мемориальных публикаций после ухода писателя обращают на себя внимание диссертации (Головенченко 1993; Шаляпина 2000), работы В. Юдина, среди которых особое место занимает монография (Юдин 1990). Роман В. Чивилихина «Память» по-прежнему воспринимается как общественный феномен позднесоветского периода. Так, В. А. Бердинских называет В. А. Чивилихина одним из создателей folk-history (Бердинских 2019: 174). В статье Ли Циня (Ли Цинь 2023) высказывается мысль о влиянии на В. А. Чивилихина философии истории Л. Н. Гумилёва и даже утверждается, что роман «Память» в целом построен на критике концепции «этногенеза», что, конечно, не соответствует ни истории создания, ни содержанию указанного романа. При этом исследователи недостаточно внимания обращали на истоки творческой деятельности В. Чивилихина, которые повлияли не только на тематику его художественных произведений, но и на жанровые и композиционные особенности построения повестей и романа-эссе, методы работы писателя и публициста.

Автор никоим образом не претендует на исчерпывающую полноту осмысления поставленной проблемы. Поэтому предлагаемая работа носит форму своеобразного этюда-эссе, посвящённого анализу основ мировоззренческих установок В. А. Чивилихина в контексте социальных и идейных проблем последних десятилетий советского периода.

ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ В СССР: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА РУССКОЙ ИСТОРИИ

В современной гуманитаристике всё большее внимание привлекает изучение проблем исторической памяти или соотношение понятий «память» и «история». При этом нельзя не отметить, что исследование личной и социальной памяти как основы осмысления прошлого привлекали внимание учёных (прежде всего, занимающихся вопросами философии истории) по меньшей мере начиная со второй половины XIX века. Достаточно интересные рассуждения по этому поводу приведены в статье В. А. Шнирельмана. Он указал, в частности, на уменьшение в современных условиях роли государства в конструировании образа

прошлого и провёл интересный анализ изменения общественного сознания по вопросам соотношения индивидуальной и социальной памяти (Шнирельман 2016: 103).

Историческое сознание естественным образом опирается на определённые теории философии истории. Положение/место/значение философской мысли в обществе является определяющим для всей системы гуманитарного знания. С этой точки зрения ситуация в социальных (общественных в терминологии того времени) науках СССР во второй половине XX века представляется достаточно сложной и требующей современной научной рефлексии проблемы. Утвердившееся к середине XX века официальное «единомыслие» в виде т. н. марксизма-ленинизма (являющегося, на взгляд автора, абсолютной идеологемой — см. Зеликина 2010; Зеликина 2018) привело к фактическому кризису философской мысли. Между тем осмысление ключевых вопросов бытия является естественной потребностью личности. Логичным ответом на тотальную идеологизацию гуманитарной науки явилось возрастание роли литературы и иных видов художественного творчества в саморефлексии советского гражданина.

Отношение к историческому прошлому в СССР прошло несколько этапов — от полного отрицания значения Истории для формирующегося «уникального» типа советского человека до признания её знания одним из главных факторов в формировании гармонично развитой личности. При этом нельзя не обратить внимание на смену парадигм, определяющих место Отечества, Родины в сознании советского человека. Уже в 1930-е годы в официальной идеологии произошла практически полная реабилитация этих понятий, что, в свою очередь, начинало создавать проблемы в «гармонизации» понятий патриотизма, с одной стороны, и классовой солидарности, с другой. К середине века указанная проблема начала обостряться — что не могло, в частности, не отразиться на рассмотрении/изучении межнациональных отношений в СССР в целом и в РСФСР в частности. Одним из самых сложных вопросов в указанной теме традиционно был т. н. русский вопрос.

Для победившей в октябре 1917 года партии большевиков одним из ключевых вопросов было отношение к великодержавному шовинизму, что в условиях ожесточённой борьбы идеологий не могло не привести к борьбе с лозунгом/идеей «единой и неделимой России», взятой на вооружение их политическими противниками. К тому же идея пролетарского интернационализма при её упрощении неизбежно приводила

к отрицанию роли национального самосознания или его определению в качестве «пережитка прошлого», маркера «отсталости» или «консерватизма», приравниваемого к классово чуждой (а значит — и политически враждебной) идеологии. В рамках подобных рассуждений следование национальным традициям (по крайней мере, до рассматриваемого периода) воспринималось как противоречащее генеральной стратегии партии и государства, признак «буржуазного или мелкобуржуазного национализма». При этом нельзя, конечно, забывать об активной пропаганде идей дружбы народов, формирования новой исторической общности — советского народа, рождающейся в процессе созидания коммунистического общества. Автор сознательно описывает рассматриваемую историческую (и теоретическую) ситуацию с использованием советской пропагандистской лексики, поскольку это наглядно демонстрирует сложность не только осмысления, но даже изложения выбранной темы.

СОВЕТСКОЕ И РУССКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЧИВИЛИХИНА

Особое положение русского народа в нашей стране — как народа системо- и государственнообразующего — осложняло положение патристично мыслящей интеллигенции. Её участие в дискуссиях о месте, роли и значении русского народа в истории России зачастую в официальном дискурсе воспринималось крайне негативно. Попытки напомнить о консервативных течениях в общественной мысли России сразу же объявлялись крайне нежелательными и даже шовинистическими. В результате, в условиях официально провозглашаемого «единства в многообразии», именно традиционная русская культура находилась в наиболее сложном (по сравнению с другими исторически российскими национальными культурами) положении. Не случайны в связи с этим этапы своеобразной «русификации русской культуры», т. е. возобладания или внедрения в общественное сознание русских традиций в качестве господствующих. Эти периоды традиционно определяются в качестве консервативных.

Естественной реакцией на сложившуюся ситуацию стало появление в советской гуманитарной культуре 1960–1980-х значительной группы писателей, журналистов, мыслителей, посвятивших своё творчество описанию, рассмотрению, исследованию проблем глубинной, традиционной «русской России». Их деятельность была направлена на ознакомление широкой общественности с существующими и возможными экологическими последствиями промышленного освоения исторических русских

территорий, проблемами Русского Севера, исчезновением русской деревни и т. п. Среди знаменитых писателей-«деревенщиков» и публицистов-экологов В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина, С. Залыгина несколько особняком стоит имя В. Чивилихина. Эта «особость» заключается в тематике и героях его художественных и публицистических произведений.

Основа творческой деятельности В. Чивилихина — его жизненный путь и журналистский опыт. Документальность (понятие, которое самим автором воспринималось крайне негативно) — главная особенность всех его художественных произведений. При этом важен тот нравственный стержень, который определяет мировоззрение писателя. Сибирский мальчик, рано познавший нужду и вынужденный тяжело и много трудиться для обеспечения не только своего существования, но и жизни большой семьи, постоянно думающий и заботящийся о матери и неустанно мечтающий о писательском творчестве, — таким предстаёт перед нами В. Чивилихин на страницах своего дневника (Чивилихин 2008: 7–273). Уже в первые годы раннего взросления будущего писателя отличали внимание к жизни «простых» людей — рабочих, железнодорожников, учащихся техникума, в котором он преподаёт. Это то, что именуется гражданственностью и нравственной основой бытия. Неслучайно своими учителями в публицистике он называл мыслителей XIX века Г. Успенского и Н. Гарина-Михайловского, показавших, как «русский писатель, живущий в гуще народа и движимый любовью к нему, пытается изменить жизнь к лучшему» (Покая для сеятеля нет... 1978: 169).

Анализировать мировоззрение человека советского периода достаточно сложно — и связано это с уже указанными историческими и идеологическими условиями его существования. Опыт В. Чивилихина в этом отношении уникален и типичен одновременно. Юноша с активной жизненной позицией, решая для себя вопросы БЫТИЯ, опирается на чтение художественной литературы и при этом мыслит в категориях господствующей идеологии. Достаточно показательна и, на наш взгляд, уникальна для того времени история вступления в комсомол. В ноябре 1944 года Владимир отмечает «насильственную вербовку» комсомольских органов и даёт себе слово вступить в 1945 году «с полным сознанием долга и обязанностей комсомольца. Думал: выдержу войну с братишкой, сестрой и больной матерью, не выйду с пути — вступлю» (Чивилихин 2008: 36). Через год, накануне важнейшего для него дня, заполняя заявление и анкету, записывает: «А что есть комсомол? Это Павка Корчагин и Зоя, это храбрость и настойчивость, трудолюбие и дерзание. Но ведь качествами

комсомольца может обладать не комсомолец. Я ещё не комсомолец и не перерос» (Чивилихин 2008: 45). На следующий день, на собрании, замечая фальшь и демагогию, забирает документы, чтобы через 2 месяца записать: «Я равноправный член этого союза. Постараюсь быть в нём не в числе последних» (Чивилихин 2008: 59).

На протяжении всего периода взросления лейтмотивом звучит мысль о необходимости изменения в корне отношение к людям: «Что бы ни случилось — оставаться человеком, оставаться самим собой! И вообще — захочешь увидеть в людях хорошее — всегда увидишь» (Чивилихин 2008: 69). Таким образом, мы видим становление думающей и независимой личности, которая не считает для себя возможным «поступаться принципами» или состоять в организации, противоречащей в своей деятельности ею же декларируемым принципам. Взросление не изменит этой позиции — в 1963 году, в ответ на публикацию «кошунственной», по определению В. Чивилихин, статьи в газете «Известия», он подаёт заявление о выходе из Союза журналистов (Чивилихин 2008: 228).

Для юноши характерна достаточно болезненная реакция на несоответствие базовых принципов советского общества и реальных условий окружающей его действительности: «Как далеко до коммунизма! Очень много (почти все) людей, которых я знаю, рвачи, карьеристы, и сколько слов ни подбирай, все они сволочи и гады. Конечно, они себе и другим не кажутся таковыми и не понимают своей низости и теперь такое время, фаза, но к чему врать самим себе, к чему судить с пристрастием о делах вокруг них. Печать куёт деньгу и пишет не обо всём и не так, как надо. Если бы уже сейчас большинство людей жило “с Лениным в башке”, то я бы ещё увидел коммунизм. Сейчас люди живут с рублём в зубах» (Чивилихин 2008: 52). При этом для него незыблемо чувство патриотизма и абсолютная уверенность в том, что «наш народ — непобедим. Это говорит не только радио, не только пишут газеты, — а простые советские люди: рабочие, служащие, верующие старушки, дойдя до этого своим умом. Написал я об этом, искренно веря в то, что написал, веря, несмотря ни на что. Когда сопоставишь своё личное горе, свои неприятности — они становятся такими мизерными и смешно-напрасными по сравнению с делом страны, народа, по сравнению с мировой трагедией. Это, конечно, не должно умалять значения отношений самого к себе, но в трудные часы это нужно, необходимо» (Чивилихин 2008: 76).

Поступив в МГУ, Владимир запишет: «В нашей стране (тем-то она и чудесна!) нет людей, откровенно живущих чужим трудом, но как трудно

бывает убедить себя в этом, когда видишь, что твои товарищи меняют каждый день галстуки и рубашки, появляются в разных костюмах, не знают цены деньгам, с барской пренебрежительностью отзываются о многих вещах, суть которых жжёт огнём и не даёт спать. Как далеки эти от народа и как он далёк от них! Они его не видели и не знают. Они его не хотят и не будут знать...» (Чивилихин 2008: 142). Тогда же он пишет: «...главное, партийно подходить к любому делу и быть принципиальным... Надо стать тем, кем я хочу. Я буду одним из людей, которые отдают себя на будущее счастье людей, на коммунизм» (Чивилихин 2008: 143).

Сформулированная достаточно штампованными, традиционными для советской печати, словами мысль легла в основу дальнейшей жизни и творчества нашего героя. Всё написанное В. Чивилихиным служит своеобразным, советским осмыслением традиционной миссии русского интеллигента и претворением в жизнь мировоззренческих установок, складывавшихся на протяжении трудных лет юности. Основными темами разножанровых произведений автора станут значимость личности его героев, представителей различных социальных слоёв (советских рабочих или рядовых участников восстания декабристов, дворян-офицеров или учёных, посвятивших себя освоению Сибири), их нравственная позиция, служение своему делу. В одном из своих очерков В. Чивилихин заметил, что «изучение жизни ... науками недостаточно, не всесторонне ... человек как никогда нуждается в образном, эстетическом, гуманитарном познании сущего, людей, самого себя» (О Леонове 1979: 256).

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ПАМЯТЬ

Центральной темой творчества В. Чивилихина является человек во всём многообразии проявлений жизни. Романтическая настроенность, характерная для юноши, любующегося звёздным небом и стесняющегося этого («миллионы звёзд какой-то дурак по небу рассыпал. Эх, собрал бы эту бирюзу, да украсил бы нашу, зелёную жизнь, а то уж слишком далека от нас, получается, красивая жизнь, где-то там в бездонной глубине... Что же, начинаем опять хреновину пороть. Отрываться от жизни начинаем. Не дай бог»), достаточно быстро сменяется уверенностью в первостепенной значимости природы и особенно леса в бытовании цивилизации и даже утверждением, что все достижения технической цивилизации по сравнению с жизнью дерева — «жалкое подражательство и примитив. Рядом с живой природой нельзя быть самодовольным» (Чивилихин 2008: 120–121, 223). Преклонением перед природой звучат

слова нашего героя о классическом искусстве как подражании природе: «Колонна — это ствол дерева, шпиль — вершина его. Нетленна красота деревьев, как нетленна красота греческих дворцов и храмов. Пагода и православная церковь — это ели, сделанные из камня. Готика — уже аномальна» (Чивилихин 2008: 224). Однако нельзя не заметить, что философские размышления В. Чивилихина никогда не были оторваны от его практической деятельности — и в то же время служебные командировки в бытность его журналистом «Комсомольской правды» и других периодических изданий служили поводом и основой для создания повестей и рассказов.

Неслучаен вклад В. Чивилихина-публициста в привлечение внимания общества к экологическим проблемам Сибири. Он первым начал борьбу за сбережение Байкала, за сохранение сибирского кедра, поддерживая инициативу ленинградских студентов по созданию передового комплексного комсомольского механизированного лесхоза для бережного использования кедровой тайги (подробнее см., напр.: Залесов 2022; Парфенов 2000).

Конечно, В. Чивилихин в тот период был не одинок в своём стремлении сохранить русскую природу, русский лес, но можно утверждать, что во многом именно ему принадлежит приоритет в осмыслении единства проблем природы и человека. Думается, что его можно считать одним из первых мыслителей, выявивших и обозначивших в изданиях для массового читателя проблему экологии культуры. Часто встречаются в его публицистических произведениях размышления о единстве культуры всего человечества и в то же время о системообразующем признаке русской культуры — её всечеловечности именно в связи с традиционно бережным отношением к лесу. При этом его раздумья о ключевых проблемах бытия базировались на весьма своеобразном синтезе идей национальной самоидентификации и идей коммунизма: «Природа коммунистична, она для всех, и этим тоже зовёт коммунизм на всей земле. Природа угнеталась долго и угнетается сейчас и её без конца побеждают и покоряют, в то время как с ней надо дружить. Землевладелец не покорил поле, если вспахал его и засеял, ГЭС — это не покорение реки, а содружество человека и реки. Мы “покоряем” реки, тайгу, степи» (Чивилихин 2008: 223–224).

Участвуя в противостоянии хищническому отношению к природе под лозунгами «строительства коммунизма», В. Чивилихин особое значение придавал роли публициста и писателя, веря в неодолимую силу

печатного слова. Именно поэтому и в журналистике он главным жанром считал очерк, который позволял показать главного участника и творца всех общественных преобразований — человека труда. При этом принципиально значимым для него было более частое появление очерка на страницах газет, которые были ориентированы на массового читателя-производственника. Такая позиция приводила к постоянным конфликтам в редакциях. Начав в студенческие годы работу в редакции газеты «Гудок», В. Чивилихин настаивал на том, чтобы газета не только информировала о тех или иных производственных показателях, но и могла показать, «кто» делает, «что» переживает делающий, «как» происходит процесс делания. Т. е., говоря словами автора, он «ратовал за человека в газете» (Чивилихин 2008: 170).

В подобном подходе можно увидеть возникновение основного принципа, который автор положит в основу своего дальнейшего художественного творчества как писателя, — документальность. Практически все его художественные произведения, начиная с документальной повести «Живая сила» («Серебряные рельсы», «Ёлки-моталки», «Над уровнем моря», «Пёстрый камень»), были основаны на реальных событиях, на письмах и свидетельствах очевидцев тех или иных, как правило, экстремальных обстоятельств. В одном из научно-популярных очерков о В. Чивилихине приведены его слова о том, что «в произведениях должно быть минимум вымысла. Дело писателя — собирать и группировать факты. “Невыдуманная проза” — форма будущего» (Казаркин 1990: 112).

Думается, что именно такое отношение к роли и творческому методу (надо отметить, достаточно распространённому среди писателей советской формации 1930–1970-х годов, чьи истоки видятся в индустриальном очерке и идее деятельного отношения к жизни, пафоса постоянных общественных преобразований) писателя и привело В. Чивилихина к теме «Памяти» как основы бытия человека (место человека в истории и истории жизни человека). Исторический процесс рассматривался В. Чивилихиным не совсем традиционно для советского исследователя, поскольку в основе его научных, архивных изысканий первоначально были поиски генеалогические (жена В. Чивилихина является потомком одного из малоизученных прежде участников декабристского движения Н. Мозгалева), которые в конечном итоге легли в основу главной его книги — романа-эссе «Память».

Концепт памяти становится в 1960–1980-е годы одним из важнейших структурных элементов общественного сознания. Неслучайно

в этот период почти одновременно начинают публиковаться первые отрывки из анализируемого романа-эссе В. Чивилихина (1978) и сборник/альманах с одноименным названием в сам- и тамиздате (Память 1976–1981), в котором важнейшими разделами были «Воспоминания», «Из истории культуры», «Из истории религии» и т. п. (Память 2005: 4–5). Несмотря на различные идеологические основания изданий, можно отметить внимание к истории в её личностном восприятии, введение в научный оборот источников, не считавшихся в советской исторической науке того периода значимыми (мемуары, интервью и пр.).

РОМАН-ЭССЕ, ИЛИ ЭПОПЕЯ ИНТЕЛЛЕКТА

Издание романа-эссе «Память» имеет достаточно причудливую судьбу — читатель знакомился с отдельными фрагментами книги в журналах. Обращает внимание, что самые первые страницы из книги были опубликованы в Польше (1977 год — отрывок под названием «Братя-славяне» увидел свет в альманахе «Жице и мисл»). В 1978 году — первая публикация в СССР — в журнале «Наш современник» в февральском номере была опубликована начальная часть второй книги, посвящённая декабристам. В 1980 году, в год 600-летия Куликовской битвы, публикуется полный текст второй книги (републикация — в «Роман-газете» в 1982 году). В последние годы жизни писателя была опубликована 1 книга романа-эссе («Наш современник», 1983 (№ 5–11) и 1984 (№ 3–4) годы). Републикация — уже после ухода писателя из жизни, в 1985 году в «Роман-газете».

В февральском номере журнала «Наш современник» за 1978 год к 50-летию писателя публикуется цикл материалов (критическая статья, письма читателей, интервью), посвящённых его творчеству. Редакцией этот раздел определялся в качестве первого опыта развёрнутого представления творчества писателя-современника. Беседуя с критиком, главной целью книги писатель определил описание «давней, но живой истории нашего народа, которая не только питает настоящее, но и помогает строить будущее». Чуть позже жанр своей книги В. Чивилихин определял как «автобиографическо-документально-историческую работу» — и отмечал, что в процессе исследования «временами жалел, что не стал историком и этнографом» (Чивилихин 1988 Кн. 1: 171).

Приводя в своей работе огромное количество фактов, касающихся истории не только всей России, но и Москвы, Черниговщины, Сибири на различных этапах развития, автора больше всего интересуют вопросы

культуры (язык, традиции, искусство). При этом повествование, как правило, ведётся в диалоге с любознательным читателем, что помогает удерживать внимание к достаточно трудному тексту, содержащему значительное количество научной информации. Ещё одним приёмом, используемым в романе, была ретардация. Сам автор особо подчёркивал использование данного приёма, что позволяло приостановить стержневое действие для раскрытия проблемы жизни, которые его тогда волновали (Покоя для сеятеля нет... 1978: 170).

В центре романа-исследования — духовные основы русской культуры, русского народа, анализ их уникальности. При этом феноменальность русской культуры видится автору в её антропологическом «моногонизме», т. е. «признании полного равенства всех современных народов и рас, составляющих человеческое сообщество» (Чивилихин 1988 Кн. 2: 91), а русской общественной и научной мысли — во внутренне присущем ей гуманизме. Анализируя взгляды Н. Н. Миклухо-Маклая, В. Чивилихин цитирует его афоризм «...русской натуре не чужды люди чужие, ей чужд эгоизм» (Чивилихин 1988 Кн. 2: 95). Подобные взгляды автора романа роднят его с идеями Ф. М. Достоевского о «всечеловечности», «всемирной отзывчивости» русской культуры. Создатель почвеннического направления в русской литературе неоднократно отмечал «самостоятельность и личность русского духа...». Его слова о том, что «русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное...» (Достоевский, 1880), безусловно, не могли не повлиять на создателя романа. В связи с этим нельзя не вспомнить мнение В. Распутина о В. Чивилихине как носителе «откровенной, без оговорок и оглядываний, русскости» (Распутин 1998).

Авторское обозначение книги «Память» как романа-эссе не может служить препятствием для определения её в качестве эпопеи, посвящённой развитию русской общественной мысли — от «Слова о полку Игореве» (любимейшего В. Чивилихиным памятника древнерусского сознания, «первой и лучшей русской публицистической книги» (Чивилихин 2008) до произведений «золотого века» русской литературы. Интеллектуальное развитие русского народа — ещё одна тема эпопеи. Писатель анализирует судьбы, мировоззрение и деятельность широчайшего круга населявших Россию людей, от простых крестьян, дружинников, солдат до бояр и князей, от свидетелей и жертв половецких и татаро-монгольских набегов

до строителей советских городов Севера и Сибири. В «Памяти» перед читателем предстаёт Россия во всём многообразии её цивилизационного становления и развития. Неслучайно публикация «Памяти» стала не только феноменом советского литературного процесса рубежа 1970–1980-х годов, но и одним из значимых явлений общественной жизни. Дискуссии с чуждыми для него взглядами на русский народ и русскую историю, которые ведёт автор на страницах своего романа, не могли не вызвать широкий общественный резонанс.

При этом надо отметить, что официальное признание работы (вторая книга «Памяти» была отмечена Государственной премией СССР за 1982 год) не помешало ей стать фактически катализатором зарождения русского национально-патриотического движения консервативной направленности. В частности, идеологи ультранационалистической организации «Память» считают роман и его автора одними из основных своих вдохновителей. Соглашается с ними и один из авторитетных этнологов-исследователей националистических мифов В. А. Шнирельман. Подробное рассмотрение данной проблемы не входит в задачи предлагаемой работы. Однако нельзя не отметить, что современное прочтение полного текста романа требует переосмысления прошедшей в тот период дискуссии о значении взаимоотношений различных этнических групп, населяющих Россию, на тех или иных этапах развития. С сожалением приходится констатировать, что три десятилетия современной России практически не внесли ничего нового в научное осмысление состояния общественной жизни в последний, «предперестроечный» период существования СССР. С этой точки зрения попытка сформулировать основные идейные установки представителей советской интеллектуальной элиты, к каковым, безусловно, относится В. А. Чивилихин, представляется нам весьма актуальной.

Изучения, в частности, требует активное участие В. Чивилихина в общественной жизни страны на протяжении всей его творческой деятельности. Его активная позиция выражалась не только в создании ярчайших произведений, которые сам автор определял созданными в жанре «документальной литературы», но и в участии в составе различных общественных организаций (он избирался не только делегатом съездов ВЛКСМ, но и членом Центрального Комитета этой молодежной коммунистической организации, долгие годы входил в редколлегия журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», был членом центрального совета Всероссийского общества охраны природы,

правления писательских организаций РСФСР и пр.). При этом все эти должности не воспринимались писателем в качестве некоей «синекуры», он относился к своим обязанностям творчески, уделяя им громадное количество времени, пытаясь использовать предоставляемые возможности для утверждения тех идей и принципов, которые освещал в своих произведениях. Поэтому столь часты и в его дневниках и письмах упоминания о трудностях борьбы с косным, дилетантским или откровенно бездушным, бюрократическим подходом, который проявляли чиновники различных уровней. Да и позиция В. Чивилихина в редколлегии журнала «Молодой гвардии», который в 1960-е годы был одним из центров разворачивающейся внутрилитературной борьбы по вопросам русского самосознания, требует дальнейшего изучения — поставив свою подпись под знаменитым «письмом 11-ти», которое было направлено против журнала «Новый мир», в 1972 году он покидает редколлегию, что свидетельствует о его сложном отношении к проблемам русского патриотизма и национализма.

Осмысление раздумий В. Чивилихина в его дневниках и письмах о судьбах советского народа, человека труда, о причинах постоянной борьбы русского человека с бездушием государственной машины, номенклатуры и личные рефлексии автора, вспоминающего настроения советской гуманитарной и технической интеллигенции, подводят к мысли о том, что в позднесоветский период, когда официально было провозглашено возникновение «новой исторической общности — советского народа» и было заявлено об общенародном характере советского государства, искренние, думающие и глубоко чувствующие советские люди фактически исповедовали нравственные устои христианства, продолжая считать себя (и будучи на самом деле) атеистами. В то время понятия «советский» и «русский» начинали считаться синонимами, при этом «русскость» воспринималась отнюдь не с этнической точки зрения (что ещё раз возвращает нас к мысли Ф. М. Достоевского о «всечеловечности русской культуры»), да и Советский Союз рассматривается как продолжатель традиций исторической России, то есть единого многонационального культурного пространства.

В то же время, основываясь на размышлениях В. Чивилихина, отражённых им в своих дневниковых записях, можно констатировать начавшееся разложение официальной советской идеологии, базировавшейся на т. н. марксистско-ленинских идеологических постулатах. Прежде всего, это выражалось в усиливающихся в официальном

идеологическом пространстве дискуссиях по широкому кругу проблем осмысления исторического прошлого России, в т. ч. и по проблемам истории общественной мысли. Рассматривая в этом контексте размышления В. Чивилихина, нельзя не заметить, что, констатируя свой атеизм, писатель, по крайней мере с середины 1960-х годов, всё больше проникается идеями обожествления природы, отмечая при этом то особое место, которое лес, деревья, окружающая среда в целом занимает в мироощущении и мировоззрении русского народа. Так, весьма интересна запись в дневнике писателя от 11 августа 1969 года, в которой отражено, на наш взгляд, достаточно характерное для советского интеллигента изумление от знакомства с дореволюционным (1900 год) изданием «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Делясь своим впечатлением от прочтения, казалось бы, давно знакомого текста, В. А. Чивилихин с удивлением констатирует «односторонность» замечаний В. Г. Белинского и подчёркивает, что критик «совсем не отметил гоголевский поиск добра, правды, истинно русского пути в истории своего народа, сложной и мучительной жизни гоголевской ранимой и в чём-то уже больной души. Этак по-белинскому-то можно сокрушать любой порядок, не задумываясь над тем, будет ли новый лучше, а потом сокрушать новый, потом новейший и т. д. А когда же учреждать, строить, налаживать жизнь? Кто это будет делать? Вот и сейчас сокрушатели всех сортов кормятся этим, а всех, кто хочет добра и устройства ко всеобщей пользе, прозывают консерваторами, тех, кто из нашего брата видит героев в жизни, пытается в меру своих сил рассказать о них, — не считают за художников, не замечают вовсе, что же это за времена?!» (Чивилихин 2008: 171).

В приведённом отрывке Дневника ясно виден подход писателя к содержанию и значению литературного творчества в общественной жизни страны. Кроме того, прослеживается тенденция на продолжающееся осмысление официозных оценок творчества непрекаемых для советского времени идей В. Г. Белинского и других революционных демократов, а заодно и констатируется во многом неожиданное для самого автора согласие с религиозным мировоззрением Н. В. Гоголя, обильное цитирование замечаний классика из его записных книжек, при весьма характерном замечании: «И если слово одно “боже” мне как атеисту заменить другим “небо”, “природа” и т. д., то я был бы счастлив, если б они пришли в голову мне...» (Чивилихин 2008: 171–172).

ИТОГИ

Подводя итоги размышлениям о судьбе и творчестве В. А. Чивилихина, можно попытаться сформулировать основополагающие принципы его мировоззрения. К таковым, с нашей точки зрения, относятся, прежде всего, нравственные качества (совестливость и правдивость, воля и принципиальность). Патриотизм и благородный нравственный облик большинства героев произведений В. Чивилихина, будь то декабристы или геологи, князья или крестьяне Древней Руси и XX века, свидетельствуют о важности этих качеств для самого автора. Для него было характерно абсолютное неприятие демагогии, карьеризма, формального отношения к делу. Нельзя не отметить и самодостаточность, уверенность в своих силах, таланте, правоте, неуспокоенность, характерные для писателя на протяжении всей его жизни. Самым же главным качеством, ядром мировоззрения писателя, публициста, мыслителя В. А. Чивилихина являются любовь к человеку и упоение трудом. Это те качества, которые лежат в основе русского характера, русского духа, носителем, исследователем и пропагандистом которого он был всю свою сознательную жизнь, оставаясь советским человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бердинских В. А. Историческая паранаука и краеведение // Вопросы истории. — 2019. — №4. — С. 172–175.

Головенченко С. А. Творчество В. А. Чивилихина в литературном процессе 60-х — первой половины 80-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1993. — 14 с.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 // Полное собрание сочинений : в 30 т. — Л. : Наука, 1974. — Т. 26. — 520 с.

Залесов Г. Кедрograd от мифа к реальности // Начало века. — 2022. — № 3. — С. 43–51.

Зеликина Н. С. К истории бытования идей марксизма в Советской России: от популяризации к догматизации // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития. XVIII международные Лихачёвские научные чтения. 17–19 мая 2018. — СПб. : СПбГУП, 2018. — С. 310–312.

Зеликина Н. С. Философская публицистика 1920-х гг. о проблемах идеологии // Новейшая история России: время, события, люди : сб. статей и воспоминаний (к 75-летию почётного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева). — СПб., 2010. — С. 249–263.

Казаркин А. Собиратель памяти // Три имени: Ф. Достоевский, В. Фёдоров, В. Чивилихин. — Кемерово : Кемеровское кн. издательство, 1990. — С. 99–147.

Ли Ц. Рецепция концепции Л. Н. Гумилёва в русской литературе рубежа XX–XXI вв. // Вопросы истории. — 2023. — № 2. — С. 234–244.

О Леонове / ред.-сост. В. Чивилихин. — М. : Современник, 1979. — 272 с.

Память : исторический сб. — Париж: Издание Ассоциации «Русский Институт в Париже», 2005. — 56 с.

Парфенов В. Ф. Эксперимент в тайге: Кедрograd и устойчивое развитие. — М. : НИИ-Природа, 2000. — 351 с.

«Покою для сеятеля нет...». Человек и природа в творчестве Владимира Чивилихина // Наш современник. — 1978. — №2. — С. 164–189.

Распутин В. Г. Он сказал главное слово // Гудок. — 1998. — 14 марта.

Чивилихин В. А. Дневники, письма. Воспоминания современников. — М. : Алгоритм, 2008. — 608 с.

Чивилихин В. А. Память // Наш современник. — 1980. — № 8–12.

Чивилихин В. А. Память // Наш современник. — 1983. — № 5–11.

Чивилихин В. А. Память // Наш современник. — 1984. — № 3–4.

Чивилихин В. А. Память // Роман-газета — 1985. — № 3–4.

Чивилихин В. А. Память // Роман-газета. — 1982. — № 16–17.

Чивилихин В. А. Память. Путешествие в прошлое // Наш современник. — 1978. — 2. — С. 62–103.

Чивилихин В. А. Память : роман-эссе : в 2 кн. — М. : Художественная литература, 1988. — Кн. 1. — 768 с.

Чивилихин В. А. Память : роман-эссе : в 2 кн. — М. : Художественная литература, 1988. — Кн. 2. — 716 с.

Чивилихина Е. В. О Владимире Чивилихине. К 70-летию со дня рождения // Наш современник. — 1998. — № 3. — С. 200–210.

Шаляпина Л. В. Эволюция художественной концепции истории в современном историческом романе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2000. — 17 с.

Шнирельман В. А. Арийский миф в современном мире. — М. : Новое литературное обозрение, 2015. — 536 с.

Шнирельман В. А. Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое. The New Past. — 2016. — № 1. — С. 100–129.

Юдин В. А. Человек. История. Память. — М. : Мысль, 1990. — 255 с.

Сведения об авторе:

Зеликина Нина Самуиловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики факультета культуры, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 192238, Россия, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15, e-mail: nina.zelikina29@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.07.2023; одобрена после рецензирования 27.07.2023; принята к публикации 05.08.2023.

N. S. Zelikina

SAINT-PETERSBURG UNIVERSITY OF THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES,
SAINT-PETERSBURG, RUSSIA

The Soviet Adherer of the Pochvennichestvo: Reflections on the Worldview of Vladimir Aleksseevich Chivilikhin

Abstract. The paper attempts to review the mindset and ideological foundations of the works by the Soviet writer and publicist Vladimir Chivilikhin, whose novel-essay “Memory” was not only a phenomenon in the Russian Soviet literary process of the second half of the 20th century, but also served as an occasion for a broad public discussion, which allows us to consider it as the significant event of public life and the basis for analyzing the intellectual discourse of the late Soviet era. At the same time, the research is based not only on the author’s fiction and journalistic works, but also on personal materials (diaries, letters, memoirs) and is conducted in the context of social and ideological problems of the last decades of the Soviet period.

Keywords: history, memory, journalism, creativity, V. A. Chivilikhin

For citation: Zelikina, N. S. (2023). The Soviet Adherer of the Pochvennichestvo: Reflections on the Worldview of Vladimir Aleksseevich Chivilikhin. *Orthodoxia*, (3), 52–73. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-3-52-73

REFERENCES:

“Pokoia dlia seiatelia net...”. Chelovek i priroda v tvorchestve Vladimira Chivilikhina [“There is No Rest for the Sower...” Man and Nature in the Works of Vladimir Chivilikhin]. (1978). *Nash sovremennik*, 2, 164–189. [In Russian].

Berdinskikh, V. A. (2019). Istoricheskaia paranauka i kraevedenie [Historical Parascience and Local History]. *Voprosy istorii*, 4, 172–175. [In Russian].

Chivilikhin, V. A. (1978). Pamyat'. Puteshestvie v proshloe [Memory. Journey to the Past]. *Nash sovremennik*, 2, 62–103. [In Russian].

Chivilikhin, V. A. (1980). Pamyat' [Memory]. *Nash sovremennik*, 8–12. [In Russian].

Chivilikhin, V. A. (1982). Pamyat' [Memory]. *Roman-gazeta*, 16–17. [In Russian].

Chivilikhin, V. A. (1983). Pamyat' [Memory]. *Nash sovremennik*, 5–11. [In Russian].

Chivilikhin, V. A. (1984). Pamyat' [Memory]. *Nash sovremennik*, 3–4. [In Russian].

Chivilikhin, V. A. (1985). Pamyat' [Memory]. *Roman-gazeta*, 3–4. [In Russian].

Chivilikhin, V. A. (1988). *Pamyat' : roman-esse : v 2 kn.* [Memory. An Essay Novel in Two Books]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. [In Russian].

Chivilikhin, V. A. (2008). *Dnevnik, pis'ma. Vospominaniia sovremennikov* [Diaries, Letters. Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Algoritm. [In Russian].

Chivilikhina, E. V. (1998). O Vladimire Chivilikhine. K 70-letiiu so dnia rozhdeniia [About Vladimir Chivilikhin. To the 70th Anniversary of His Birth]. *Nash sovremennik*, 3, 200–210. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1974). Dnevnik pisatel'ia za 1880 [A Writer's Diary for 1880]. In *Complete works in 30 volumes* (Vol. 26). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Golovenchenko, S. A. (1993). *Tvorchestvo V. A. Chivilikhina v literaturnom protsesse 60-h — pervoi poloviny 80-h gg.* [The Work of V. A. Chivilikhin in the Literary Process of the 60s — the First Half of the 80s] [Dissertation Abstract of Candidate of Philological Sciences]. Moscow. [In Russian].

Kazarkin, A. (1990). Sobiratel' pamiati [Collector of Memory]. In *Tri imeni: F. Dostoevsky, V. Fedorov, V. Chivilikhin* [Three Names: F. Dostoevsky, V. Fedorov, V. Chivilikhin] (pp. 99–147). Kemerovo: Kemerovskoe kn. izdatel'stvo. [In Russian].

Li, Ts. (2023). Retseptsii kontseptsii L. N. Gumileva v russkoi literature rubezha XX–XXI vv. [Reception of the Concept of L. N. Gumilyov in Russian Literature at the Turn of the 20th–21st Centuries]. *Voprosy istorii*, 2, 234–244. [In Russian].

O Leonove [About Leonov]. (1979). Moscow: Sovremennik. [In Russian].

Pamyat' : istoricheskii sb. [Memory: Historical collection]. (2005). Paris: Izdanie Assotsiatsii “Russkii Institut v Parizhe”. [In Russian].

Parfenov, V. F. (2000). *Eksperiment v taige: Kedrograd i ustoichivoe razvitie* [Experiment in the Taiga: Kedrograd and Sustainable Development]. Moscow: NIA-Priroda. [In Russian].

Rasputin, V. G. (1998). On kazal glavnoe slovo [He Said the Main Word]. *Gudok*, 14th of March. [In Russian].

Shaliapina, L. V. (2000). *Evoliutsiia khudozhestvennoi kontseptsii istorii v sovremennom istoricheskom romane* [The Evolution of the Artistic Concept of History in the Modern Historical Novel] [Dissertation Abstract of Candidate of Philological Sciences]. Barnaul. [In Russian].

Shnirelman, V. A. (2015). *Ariiskii mif v sovremennom mire* [Aryan Myth in the Modern World]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian].

Shnirelman, V. A. (2016). Sotsial'naia pamiat' i obrazy proshlogo [Social Memory and Images of the Past]. *Novoe proshloe. The New Past*, 1, 100–129. [In Russian].

Yudin, V. A. (1990). *Chelovek. Istoriia. Pamyat'* [Man. Story. Memory]. Moscow: Mysl'. [In Russian].

Zalesov, G. (2022). Kedrograd ot mifa k real'nosti [Kedrograd from Myth to Reality]. *Nachalo veka*, 3, 43–51. [In Russian].

Zelikina, N. S. (2010). Filosofskaia publitsistika 1920-h gg. o problemakh ideologii [Philosophical Journalism of the 1920s on the Problems of Ideology]. In *Noveishaia istoriia Rossii: vremia, sobytiia, liudi : sb. statei i vospominanii (k 75-letiiu pochetnogo professora SPbGU G. L. Soboleva)* [Contemporary History of Russia: Time, Events, People: Collection of Articles and Memoirs (To the 75th Anniversary of the Honorary Professor of St. Petersburg State University G. L. Sobolev)] (pp. 249–263). Saint Petersburg. [In Russian].

Zelikina, N. S. (2018). K istorii bytovaniia idei marksizma v Sovetskoii Rossii: ot popularizatsii k dogmatizatsii [On the History of the Ideas of Marxism in Soviet Russia: From Popularization to Dogmatization]. In *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiia. XVIII mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniia. 17–19 maia 2018* [Contours of the Future in the Context of World Cultural Development.

XVIII International Likhachev Scientific Readings. May 17–19, 2018] (pp. 310–312). Saint Petersburg: SPbGUP. [In Russian].

About the author:

Nina Samuilovna Zelikina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism, Faculty of Culture, St. Petersburg University Of The Humanities And Social Sciences, 15, Fuchika str., Saint Petersburg, Russia, 192238, e-mail: nina.zelikina29@gmail.com

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 13.07.2023; approved after reviewing 27.07.2023; accepted for publication 05.08.2023.